

Вязаное платье

— Что же из этого следует?— Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.
— Вы полагаете, все это будет носиться?
— Я полагаю, что все это следует шить.

Август 2020

Марина Владимировна

Люди разные. Есть люди, которые с детства требуют. Они уверены, что им полагается все самое лучшее, за столом для них должно быть самое вкусное. Раньше я думала, что это результат воспитания. Но теперь, столкнувшись с разными ситуациями в жизни, понимаю, что с этим качеством чаще рождаются. А уж как оно разовьётся зависит и от времени, и от семьи, и от окружения. Словом, от всего того, как сложится жизнь этих людей.

У нас в семье деньги были. И папа, и мама зарабатывали неплохо. Но культа шмоток никогда не было. Было, наоборот, какое-то даже пренебрежение к этому. Мама и папа одевались хорошо. Но вещей было совсем мало - платье для торжественных случаев, пару повседневных платьев и домашнее. И мама, и папа занимали вполне солидные места в иерархической социальной лестнице. Папа, когда я уже помню, был проректором сельскохозяйственного института, мама - директор лучшей в Харькове школы. Школы дважды менялись, но всегда с появлением мамы, становились лучшими. Мамина работа, в частности, включала бесконечные встречи с известными людьми, с директорами заводов, предприятий. Некоторые из них были спонсорами школ, или просто помогали школе. А мама все это организовывала. Нет, они не давали деньги, как это принято сейчас. Приведу пример спонсорства. За металлолом, собранный школьниками, школе подарили списанный автобус. Его называли «Антилопа Гну» и много поколений детей на нем совершали экскурсии. Кроме того, мама какое-то время была членом обкома. Все это делало невозможным не следить за собой. Одеваться было нужно, и одеваться прилично. Пока мама работала, она всегда была с прической, с маникюром. Да и потом, на пенсии, я каждый раз радовалась, когда мама ходила в парикмахерскую. Так что одежда, и вполне приличная, была, но лишних вещей не было, за модой никто не следил.

Когда я вижу свои фотографии до школы, то чаще всего это нечто несуразное. Например, красивое платье и трусы, которые торчат из-под платья чуть ли не до колена.

Моя тетя Наташа некоторое время жила в Австрии и оттуда всегда привозила прекрасные вещи. Ее муж после войны был начальником западного округа, занимал большие посты и тогда, и позже, когда они перебрались в Минск. Тетя Наташа любила одеваться, и одевала всю семью. Все помнят огромные чемоданы со шматъем, которые она привозила почти всем членам семьи. Пусть хоть по одной шмотке, но чтобы каждому досталось. Уже будучи женой генерала в отставке, не живя в дипломатическом корпусе, она продолжала привозить подарки. И мне два раза привозила шикарные платья. Мне было года два или три, а у меня были платья, как у настоящей принцессы. Мне часто рассказывали, как, когда тетя Наташа привезла мне первое платье, она решила меня шикарно одеть и пойти со мной гулять. Сама тетя Наташа одевалась всегда очень хорошо. И вот у нее как раз было много вещей, красивых, со вкусом подобранных. Всегда была, если не было настоящих драгоценностей, бижутерия. До конца жизни, несмотря на очень серьезный перелом ноги после 80 лет, она носила высокие каблуки. Я как-то, когда ей было за 85, хотела подарить ей обувь без каблука. Подарок она не взяла, а я выслушала длинную тираду, почему это я решила сделать из нее бабушку. Конечно, всегда переодевалась к приходу гостей, которых обожала и постоянно устраивала малые и большие журфиксы. Но и, оставаясь только со мной, старалась переодеваться к обеду. И, каждый раз, стол должен быть хорошо сервирован. Даже, если на столе только чашка кофе и бутерброд. Мне говорила, что я - не женщина, так как элементарно не слежу за собой и могу, о Ужас!, несколько дней подряд ходить в университет в одной и той же одежде.

Так вот, эта самая тетя Наташа, одевшись к выходу в парк сама, сделав соответствующий макияж, решила и меня приодеть. Но, оказалось, что у меня не было ни гольфиков, ни босоножек. Только стоптанные босоножки и трусы чуть ли не с начёсом, до колен. А сделать Принцессу из девочки с такими трусами никак не получалась. Да и носки были, вроде, только шерстяные, хотя за окном бушевало лето. Правда, был неизменный синий бант. Но платье, бант, трусы до колен и шерстяные носки никак по стилю не сочетались и гулять со мной не пошли, а вечером моей маме устроили скандал. Покупал мне вещи папа. Старался, как умел.

Покупал с любовью, но, думаю, совсем не думал не только о стиле, но и о совместимости частей одежды.

Родилась я не требовательной. В семье относительно вещей, особенно роскошных, всегда был режим экономии. Не экономили только на друзьях, на встречах. Любили вкусно поесть или (если были совсем тяжёлые времена) хоть как-то накормить друзей. И никто никогда не уходил обиженным. Всегда было весело, для всех находилось доброе слово и зачастую весьма существенная, в том числе, и материальная, поддержка в жизни. Но вот кто во что был одет никогда не обсуждалось и я до сих пор, если меня спросить, кто в чем был одет на каком-нибудь сборище, никогда не отвечу. Просто, не помню.

Хотя был почти месяц, когда я тренировала память в этом направлении сознательно. Моя подруга в 9 классе влюбилась в 10-классника. И надолго заболела. Чем заболела я не помню, но каждый день она мне звонила и с дотошностью дантиста требовала, чтобы я подробно описывала в чем был одет ее избранник, что говорил. Так как он был на год старше, то что он говорил, я почти никогда не знала. А в чем был одет, хоть и старалась запомнить, дойдя домой, часто забывала. Подруга обижалась. Причём, довольно сильно. И я, ради дружбы, как домашнее задание пыталась запомнить какая рубашечка....а идет ли она к глазам? А подчеркивает ли фигуру свитерок и в тон ли ему носки.... Это было так ужасно для меня, что когда моя подруга, наконец, выздоровела, я, чтобы сберечь психику, совсем перестала замечать кто в чем одет. И, наверно, удивилась бы только, если бы кто-то в плавках пошел зимой кататься на лыжах.

Но в 20 лет отношение к вещам меняется. Каждому в этом возрасте хочется выглядеть как-то получше. В магазинах вещей не было. Кто-то заказывал вещи у портных, кто-то учился шить или вязать сам. Был такой журнал "Бурда". Это был писк. Из этого журнала делали выкройки, но не каждому доставалось такое счастье, как купить или хотя бы на время взять этот журнал и уже тем более найти материал, чтобы сшить или связать себе модную, всем на зависть, шмотку.

Я до замужества не только не замечала, но и не думала о шмотках вообще. Мои некоторые друзья из компании фарцевали - где-то добывали шмотки, а потом продавали намного дороже. Семья моей подруги занималась этим всегда, сколько я ее помню. И моя подруга и ее сестра были одеты по последней моде. Но

зависти не было. Причем, ни у кого в нашей компании. У нас было полно других интересов, которые нас объединяли. Многие, правда, мечтали о джинсах. Иметь джинсы фирмы “Лэвис” - это было, как приобщиться к какому-то сообществу, вход к которому для других был закрыт. Мне, конечно, тоже хотелось иметь джинсы. Но я об этом особо не думала. Они стоили 200 рублей, зарплата инженера была 100 или 120 рублей, а моя стипендия (если она была) была 40 рублей. Так что смысла мечтать о том, что недостижимо, как полет на Луну, не было никакого. Я и не заморачивалась.

Но вот на нашу свадьбу мне мой старший брат подарил настоящие джинсы. Он тогда уже ездил за границу и привез мне голубую мечту. Это был Королевский подарок. Но, как только мне его подарили, мой, теперь уже муж, настолько загорелся, настолько обрадовался (у нас был тогда один размер), что я, конечно, сразу отдала их ему. Он снял свой свадебный костюм и сразу переоделся в джинсы. А я была счастлива, что он так радовался.

Одевалась я, как вижу на фотографиях, плохо. При этом, я сильно комплексовала, что слишком худая и старалась одевать вещи попросторнее, чтобы болталось мешком и другие не пугались моей худобы.

Так что хороших, модных вещей у меня не было. Но я и не стремилась их иметь, мне это жизнь совсем не портило. Иногда (очень редко) приходили посылки из Америки от тети Лены. Там были вещи и ткани. Вещи, конечно, не того размера. Но это были американские вещи! Это был шик. Иногда что-то подходило моей маме, иногда я брала себе что-то. Как правило, это было размера на три больше, чем мне нужно. Но много вещей оставалось “на потом”. Вот, настанет время и мы перешьем, передадим, пере, пере, пере.... Или можно кому-то подарить. И это будет круто - в серо-черно-белой советской действительности, цветная американская шмотка. Но время все не наступало. И вещи складировались, в ожидании своих лучших времен.

После института моего мужа забрали в армию в город в Германии, в Нейрупин. Это небольшой городок около Берлина. Берлина за Берлинской стеной, конечно, с советской стороны. Я первый раз попала в место, где в продовольственных магазинах продавалась еда, а в других то, для чего они и были предназначены. Я помню, что первый раз, когда мы пошли гулять, я увидела посудный магазин. С посудой! И ее можно было купить! Без очередей, карточек, без блата. Просто зайти и купить! Это было

невероятно! Там были сковородки с разным покрытием, кастрюли разных размеров и из разного материала, тарелки, бокалы - и все это в огромном разнообразии и ... это все можно было купить! Я была поражена!

А в продуктовых магазинах была еда. Разная. Например, много сортов колбасы. Дома в это время, за сосисками нужно было простоять очередь. Да еще нужно было знать, где эта самая очередь есть, в каком магазине. А тут не только есть заполненные товарами магазины, но можно пойти и купить. Все доступно, были бы деньги. А они были, хоть немного - зарплата мужа, но и на эту зарплату можно было позволить то, что о чем дома можно было только мечтать.

В армии была своя жизнь. Другая. Жены офицеров и прапорщиков - это особый мир, с особой психологией. Первый и, надеюсь, последний раз я видела, как дерутся женщины. Из-за мужика, конечно. Мы жили в двухэтажном доме на третьем этаже. Когда-то давно этот чердак использовали, чтобы держать там собак. А позже, когда советские войска в этой части Германии, сделали свой армейский городок, чердак перешёл, как жилье, к прапорщикам. У нас, на нашей стороне подъезда, жило по-моему 8 семей. Из них две семьи - наша и еще одна, одного однокурсника мужа - это были офицеры двухгодичники, а остальные - семьи прапорщиков. Кухня была общая с двумя плитами, каждая на 4 конфорки. Комнаты отапливались брикетами угля (в каждой комнате стояла печка). Кухня отапливалась тем, что готовилась на плите. А коридор и лестничная площадка, оборудованная под душ, не отапливались вовсе. Это была удивительная жизнь, достойная отдельного повествования.

Но я все-таки вернусь к шмоткам. Они были. Особенно поражали детские вещи. Все, прямо, из сказки, вернее из гардеробной сказочной принцессы. И это после того, как долгое время детям вещи доставались только по наследству. И неважно от мальчика к девочке, или наоборот. Мы старались всем привезти хоть что-то. Поэтому себе особо ничего не позволяли. Ниночке - это другое дело. Двухлетняя Ниночка, в красивой обуви, в платицах - это грело душу и очень радовало. А мы готовились к отпуску и везли всем хоть что-то. Например, сапоги, которые мы купили моей свекрови, прослужили ей потом много лет. Летали мы через Минск, и потому, конечно, везли и тете Наташе. И это было так приятно, приехать и подарить что-то заморское. Себе же покупали книги. В

Харькове, после длительного безкнижья, открылся доступ к литературе. Правда, для этого нужно было сдать много килограмм макулатуры, получить за это талончик и потом, с этим талончиком, выстоять ночь в очереди, чтобы попасть к открытию магазина, так как количество экземпляров было ограничено. В Германии тоже книги продавались не совсем просто. Макулатура, правда, была не нужна. Но «поймать» нужную книгу было не просто. Заранее распространялись слухи, что в книжный привезут такую-то книгу. Тогда ты становился в очередь, получал талончик и с этим талончиком периодически приходил и отмечался. В результате, тебе могло достаться, может и не то, что ожидалось, но все равно что-то, что наполняло тебя гордостью, как владельца чего-то очень ценного. Ведь иначе прочитать можно было, если тебе давали книгу, например, на одну ночь. И это тоже было хорошо. На книгах мы не экономили. И покупали журналы, потому что там тоже печатали прекрасные вещи. Например, журнал «Нева» несколько лет назад я увидела в поселке, в комнате, куда никто не заходил уже много лет. Аккуратные стопочки уже нечитабельных журналов. А тогда, мы как великую ценность, тащили это на своем горбу через границу.

Муж ходил, в основном, в форме. А я почти ни с кем не общалась и ходить особо было некуда, потому вещи были только самые необходимые. Но вот, в этот армейский городок, приехала жена офицера, которая очень хорошо вязала. И очень многие у нее начали заказывать вещи. Мы почти все умели вязать, почти все вязали, но вещи, связанные ею, были просто на диво. Связанные на машинке, они казалось могли облагородить любого. И мне очень захотелось иметь что-то такое. Красивое, элегантное. Наверно, первый раз в жизни захотелось так, что я купила очень недешевую малиновую шерсть, заплатила не маленькие деньги за работу и получила малиновое, приталенное, чуть ниже колен Платье. Никогда ничего подобного у меня не было. Это была сама Красота. Не мешок, как я носила. А настоящее платье, которое подчеркивало талию. С пояском. Я чувствовала себя в нем Королевой. Но вот беда, надевать его было некуда.

И я решила, что отвезу его в Харьков. И дальше, в своих мечтах, я рисовала себе разные ситуации, где я появляюсь в этом платье. Это платье стало символом уверенности в себе, которой у меня в тот период не просто не было, а она измерялась отрицательной величиной. Это платье было моей смелостью ощущать себя Женщиной, это было уже вовсе не платье, а символ уверенной в

себе женщины. Того, что мне не доставало, того, чего у меня не было совсем, но теперь появилось в мечтах в виде этого малинового платья.

Через время, мы вернулись в Харьков. Платье бережно хранилось и ждало своего часа. А он все не наступал. Все казалось, что момент недостаточно торжественный. А платье требовало бала, музыки, свечей и публики. Или хотя бы просто торжественно случая. И, конечно, чтобы был мой муж, и меня видели мои близкие. И они бы восхитились и увидели, что из гадкого утенка вылупился-таки лебедь. И мой муж увидел бы, что я тоже красивая женщина. Мне так часто в моих фантазиях виделось, как это будет, как это изменит мою жизнь. И платье было символом этого изменения.

А случая все не было. И вот прошло года два или три и мы должны были вместе с мужем куда-то пойти. Не просто на встречу с друзьями, а , уже не помню куда, но там где много людей, там где был бал для Золушки. А Принцем в моих фантазиях должен был быть он, мой муж. И была зима, то есть самое подходящее время для вязанного шерстяного платья. Предвкушая все то, что я нафантазировала, я достала изъеденное молью и никогда не надеванное платье.

Прошло много лет. Мамы и папы уже давно не было. И, как-то, разбирая балкон, я нашла чемодан с ненадѣванными, оставленными «на потом» американскими шмотками....

От своих комплексов я избавилась, но это уже было намного позже. Уже нет ожидания бала и того, что тебя заметят. Есть жизнь сейчас и она прекрасна. И каждый в ней заметен и прекрасен. И я тоже.